

ПОДЪЕЗДНЫЙ НЕПОКОЙ АЛЁХИ СТРУКОВА

Алёха домой шёл. Не очень трезвый, конечно. А уже ночь, ноябрь. И ведь почти дошёл Алёха-то: подъезд родной – вот он. Заспешил чего-то, дверь подъездную распахнул и шагнул внутрь.

А в подъездах у нас двери двойные – для тепла. Вторая, она всегда открытой стояла, кирпичиком подпёртая. Но в тот злосчастный день кто-то неаккуратный, может, мимо проходя, кирпичик сдвинул. Дверь-то малость и призакрылась – получилась торцом аккурат по Алёхиному ходу. И только он в подъезд впрыгнул, этим торцом и долбанула Алёху в промеждуглазье. Крепко долбанула, искристо.

Добрёл Алёха в звёздном мерцании до своей квартирki на первом этаже и прилёг на диване, бутылку из холодильника к раненому лбу пристроив. Когда звон в башке маленько притих, стал думать: от чего это с ним такой нелицеприятный факт случился?

Получалось, что всему виной темень подъездная – сволочь какая-то опять на Алёхином этаже лампочку вывернула!

Выверты подобные происходили регулярно, но после дверного мордобития стал Алёха злоумышленника отслеживать. Вкрутит новую лампочку, самую ходовую – шестидесятиватную, и вечерами караулит за дверью, прислушивается: не полезет ли какой гад за дармовым светильником.

Долго дежурил Алёха, но так никого за руку не поймал. Подозрения, конечно, имелись, но их, как говорится, к делу не пришьёшь.

Да тут ещё напасть приключилась: ступеньки при входе в подъезд совсем негодными стали. От времени, наверное. Вернее, разрушились они, пожалуй, давно. Алёха сам сколько раз спотыкался и даже подумывал собственноручно ступеньки отладить – схемы на бумаге рисовал, прикидывал так и сяк. Но руки не доходили, и два несчастных порожка, очерив ржавые арматурные челюсти, угрожали сразу всем пяти этажам.

Время пришло, и они привели в исполнение подлую угрозу. Радостным летним утром жена Нинка отправилась на работу – Алёха как раз чай с бутербродами на кухне кушал. Окошко кухонное первоздажное прямо рядом с подъездной дверью в мир выходит; Алёха туда и не смотрел, доедал краковскую колбасу.

Вдруг – грохот, причитания! Сердце враз куда-то в область поджелудочной железы ухнуло, там и затихло.

«Никак Нинка на ступеньках ковырнулась!» – заволновался Алёха и, замирая, посмотрел в окно.

Жена, шёпотом ругаясь, промокала подолом коленку.

– За коленку Нинкину вы мне ответите! – гневно вскричал Алёха, сел и написал заявление в ЖЭК: мол, ступеньки подъездные пребывают в аварийном состоянии; а дом, между прочим, должен ЖЭКом технически обслуживаться; имеются, мол, уже случаи травмирования граждан, а что ещё хуже – гражданок; и разрушенное состояние ступенек не красит фасад здания, а уж красоту женских коленок и вовсе никому нарушать не позволено.

Всё как есть написал. И ещё приписочку сделал: «Поскольку данный ремонт не требует сколь-нибудь серьёзных финансовых вложений и применения высокоточных технологий, надеюсь на приведение входа в подъезд № 2 в соответствие с требованиями безопасности и эстетических норм в срочнейшие сроки». И подписался, как положено: «А. Струков, житель аварийного подъезда».

Алёха, конечно, специально так написал – подковыристо, едко. Настраивался на то, что жэковское начальство станет по обыкновению отписываться и тянуть резину до бесконечности. И тогда Алёха со всей этой перепиской и женой коленкой явится в суд, который справедливо покарает этих бездельных бюрократов.

Он самолично отнёс заявление в ЖЭК и даже заставил тамошнюю секретаршу расписаться на копии, сделанной под синюю копирку. Не мог же Алёха знать, что через два дня, придя с работы, найдёт подъездные ступеньки отремонтированными?

А когда в подъезде стали собирать деньги на закодированную дверь, чтоб посторонние нечистоплотные элементы под лестницей нужду не справляли, Алёха инициативу очень даже поддержал.

Нужную сумму набрали со скрипом. Например, бабулька с третьего этажа ни в какую платить не хотела. «Я, – говорит, – от кровати до стула четыре дня иду, а вы мне – дверь закодированную». Или вот семейка ещё одна есть – две квартиры имеют: одну на втором, другую на пятом. Так они хотели деньги один раз сдать! Шалишь! Пользуешься двумя отдельными площадями в общественном подъезде – плати два раза!

Собрали, в общем, деньги, дверь приладили. Железную, тяжёлую. До чего хорошо стало: лампочки не воруют, испражнениями в подъезде почти не воняет!

Приходит к тебе, допустим, кто-нибудь – на кнопочки сбоку подъездной двери жмёт, а у тебя в квартире звоночек переливчатый, ласковый такой, сигнализирует. Переговоришь через устройство разговорное и решаешь: пускать посетителя или нет. И ему не так обидно – не надо топать, к примеру, на последний этаж, чтобы выяснить, что тебя дома нету. Очень, очень удобно! Особенно для высоких этажей.

К Алёхе-то если приятели идут, они на кнопочки не нажимают – кухонным подоконником громыхнут: выходи, мол, Алёха, дело есть. Но всё равно же приятно, когда в подъезд кто зря не шаркает.

Правда, и среди соседей люди некультурные всё же встречаются. Особенная злость на них забирает рано утром или поздно вечером – никак, деревенщина, не отвыкнут, когда выходят-заходят, дверь настежь распахивать. Им что – махнул дверью да побежал дальше, а вот Алёхе – слушай, как незакрытая закодированная железяка тру-лю-люкает. Окно-то рядом.

Вот и приходится ему скрипеть зубами, болеть желудком и, вместо того, чтобы спать спокойненько, вываливаться в подъезд, закрывать эту тру-лю-люкалку. Снова, понимаешь, непокой хорошему человеку!

Ноябрь 2004 г.